

волшебные истории instagram

Ключи от сказки

#марафон_ключи

Яна Гецеу

**Ключи от сказки. Волшебные
истории instagram**

«Издательские решения»

Гецеу Я.

Ключи от сказки. Волшебные истории instagram / Я. Гецеу —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969804-9

Вы когда-нибудь встречали единорога? Мы нет, и очень рады. Эти твари совсем не те, чем кажутся... Или вот, Белоснежка. Чудесная же сказка! Вышла замуж за принца, семь гномов сами там были, мёд-пиво пили... А так ли всё мило было?! Молодые писатели собрались у ночного инста-костра и рассказывали друг другу сказки. Страшные и милые, грустные и смешные. А к утру сложили целую книгу «Ключи от сказки». Что говорите, вам маловато?! Тогда ищите в инста #марафон_ключи — там еще ворох славных историй!

ISBN 978-5-44-969804-9

© Гецеу Я.
© Издательские решения

Содержание

In Search of a Miracle	6
Але, оп!	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ключи от сказки Волшебные истории instagram

*Редактор Яна Гецеу
Корректор Лиза Глум*

ISBN 978-5-4496-9804-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЕДИНОРОГИ

In Search of a Miracle Дарья Лебедева @riaviell

Все имена – реальные, события – вымышлены, совпадения – случайны

Пушистый бочок щекотал ладони, пока Джисон теребил игрушку в руках.

Маленький, серый в белых яблоках, этот единорог имел самую грустную мордочку из всех своих прекрасных белоснежных собратьев, что были на полке. Он, конечно, предлагал малышке выбрать другого, но она упорно просила именно этого. Тогда парень выбил его в тире в парке аттракционов, куда они повезли Сохё, чтобы отпраздновать ее день рождения, и улыбкой маленькой девочки в тот день можно было осветить целый мир. Это был теплый осенний день, когда солнце еще грело, хоть и из последних сил.

После – зарядили дожди, а Крошка Сохё начала болеть все чаще, все тяжелее. Не успевали врачи ее вылечить от одной хвори, как к ней сразу же цеплялась другая, заставляя сердца всех любящих ее людей сжиматься в страхе. Вдруг, на этот раз спасти девочку не успеют?

Так продолжалось почти до самого Рождества, когда, казалось бы, все несчастья отступили, по закону жанра явив к празднику чудо, но вот после...

Сейчас, сидя в холодном коридоре больницы, Джисон изо всех сил сдерживался, чтобы не заплакать как девчонка. Крошка Сохё, опутанная трубками, сдавала в битве за жизнь одну позицию за другой, и у него не было сил смотреть как она угасает.

– Я думала, ты ушел, – кто-то мягко коснулся его плеча, вырвав из цепких объятий страшных мыслей.

Парень поднял голову на Юну, единственную, кто продолжал почти безвылазно находиться в палате. Лишь сейчас он осознал, с каким трудом ей дается переносить каждый новый день: блестящие черные волосы потускнели, скулы заострились, а под глазами пролегли глубокие темные тени.

Помедлив, Джисон протянул девушке игрушечного единорога, а когда он едва не выпал из ее дрожащих пальцев, порывисто встал и обнял, позволив обоим спрятать слезы.

– Где ты его нашел? Я всю комнату обыскала... – Юна все же расплакалась, и парень, до сих пор так и не привыкший к женским слезам, лишь притянул ее ближе.

Несколько минут они простояли молча. Народ вокруг спокойным потоком обтекал их с обеих сторон, как если бы они никому не мешали. Впрочем, в этом крыле больницы тихо было почти всегда, пока из какой-нибудь палаты не начинал слышаться горестный плач, и врачи не спешили туда с ясно читаемой на лицах обреченностью. Уже одно то, что Сохё находилась в такой палате, отнимало всяческую надежду.

– Я завтра улетаю, – Джисон, наконец, первым нарушил молчание. – Кажется, на этот раз мы ее действительно нашли.

– Кого? – Юна непонимающе посмотрела на него.

– Ту целительницу, о которой я говорил, – он еще договорить не успел, но уже заметил, как подруга напряглась и нахмурилась.

– Может, хватит уже? – бросила она тихим, дрогнувшим голосом. – Почему ты никак не успокоишься?

Джисон отпустил девушку и сделал шаг назад. Юна сказала это, как ударила, хотя именно она должна была понять его лучше всех. Ведь так было всегда, с самого детства так думал, что изменилось теперь?

– А почему ты всю жизнь продолжаешь ждать этого своего волшебника?

Это был запрещенный прием, но сказанного было не вернуть.

Юна молча развернулась и зашла в палату, куда ему все еще не хватало сил зайти. Игрушка все еще была у него в руках. Продолжая крутить пальцами порядком польсевший и потускневший хвост, по задумке создателей включавший в себя все цвета радуги, Джисон застыл на пороге.

Медсестра что-то проверяла на приборах, поправляла одеяло. Юна, сжав маленькую ладошку в руках, беззвучно плакала, опустив голову, он видел, как тряслись плечи девушки. Молча, еле передвигая ноги, он подошел к постели и вложил единорога в руку девочки, и ему показалось, что она чуть сильнее сжала его облезлое ушко...

Пригладив пару кудряшек вокруг бледного лица, Джисон проглотил ком в горле, и уже собрался сбежать из палаты, когда заметил, что Юна повернула голову и теперь смотрит на малышку. Красное заплаканное лицо со слипшимися от слез ресницами и лихорадочным румянцем на скулах. Нет, не хотел бы он оставлять ее одну в таком состоянии, но иного выбора у него не было. Он просто знал это.

Нужно ехать. И медлить нельзя.

– Что, если я отступлю и не воспользуюсь этим шансом, а потом мы все пожалеем? – спросил он уже в дверях, но девушка не ответила, продолжая гладить крошку Сохё по руке. Он так и не дождался, чтобы она повернулась в его сторону, поэтому просто ушел, испытывая почти невыносимую боль.

Уже на крыльце, ожидая такси, он почувствовал, как провибрировал телефон в кармане. Короткое сообщение, что заставило сердце пропустить несколько ударов.

«А что, если она уйдет не попрощавшись, пока ты будешь грезить своими мифическими поисками?»

Да. Этого он боялся больше всего. И именно по этой причине, хотел осуществить свой замысел прямо сейчас, пока еще не стало слишком поздно. Пока была хоть какая-то надежда.

Через час он будет уже в воздухе. Джисон рассеянным взглядом скользил по строчкам на информационном табло.

Сеул – Токио
Сеул – Саппоро
Сеул – Москва
Сеул – Пхукет
Сеул – Иркутск
Сеул – Пекин
Сеул – Шанхай

...

Строчки менялись, цифры времени отлета насмешливо подмигивали. Джисон еще раз повторил про себя план: добраться до Иркутска, там найти парня по имени Ким Иван, который отвезет его в поселок Шумиха¹ на побережье озера Байкал. Именно там, по словам одного из приятелей, что помогал ему в поисках в Москве, находилась теперь целительница.

Хан Яна² – последняя надежда на спасение умирающей Сохё.

Джисон прикрыл глаза, сжав рюкзак в руках и откинувшись на спинку кресла в зале ожидания. Немного денег, несколько фотографий, телефон и пара сменной одежды – вот и все, что он брал с собой. Найти женщину и уговорить помочь, вернуться обратно вместе с ней – идеальный план, который не должен был занять больше трех дней.

¹ «Шумиха» – на самом деле «Шумиха», поселок на побережье Байкала. Буква «Щ» использована исходя из особенностей корейского алфавита и произношения

² Хан Яна – с ударением на последний слог, исходя из особенностей корейского алфавита и произношения

Плохо запомнив саму посадку и перелет, он будто сразу оказался в аэропорту Иркутска. Огромный зал, такой же типичный, как и все остальные, кроме, разве что, людей. Незнакомый говор вокруг немного пугал, пока он лихорадочно шарил глазами по толпам встречающих. Наконец, одна из табличек, которую он чудом не пропустил, помогла ему найти долговязого парня, слишком смуглого для зимнего сезона.

– Привет! Так ты – Джисон? Иван, – он первым заметил растерявшегося пассажира и, представившись, протянул руку. На корейском он говорил не так плохо, но чувствовалось, что язык для него далеко не самый простой и привычный. Джисон предложил перейти на английский, но новый знакомый лишь рассмеялся – этот язык он и сам знал довольно плохо. Познания же в русском были столь скудны, что он решил вообще не упоминать об этом.

– Ты голоден? Можем перекусить по дороге. – Иван постепенно расслаблялся, но Джисон лишь покачал головой. Сейчас он был слишком взбудоражен, хотелось поскорее завершить поиски.

– Тогда едем. Успеем до темноты.

Первым, что поразило Джисона, был снег. Его было много, просто невообразимо много! И хотя в Сеуле этой зимой оказалось тоже чуть более снежно, чем обычно, это не шло ни в какое сравнение с тем, что он наблюдал сейчас. И было холодно. Очень холодно, он даже пожалел, что не взял с собой куртку потеплее, поэтому был особенно благодарен, когда Иван включил в машине печку.

Не считая той первой, совершенно случайной поездки в Москву пару лет назад, Джисон впервые оказался в России, поэтому теперь с любопытством крутил головой по сторонам.

Широкие улицы с многополосным движением выглядели обычно, разве что надписи на рекламных щитах и экранах не прочитать, хотя часто мелькали известные бренды. Но чем дальше они удалялись от центра, тем чуднее становился пейзаж: многоэтажки постепенно сменялись небольшими домами, а потом и вовсе деревянными домиками, то тут, то там перемежавшимися с полуразрушенными хибарами, одиноко смотрящими на мир провалами пустых окон с разбитыми стеклами. Почему-то Джисону представлялось, что каждый дом был живым, только некоторые жили, а другие уже умирали.

Иван задал всего несколько вопросов, вроде того, не холодно ли ему, не захотел ли он все же поесть, есть ли какие-то пожелания, а потом сосредоточился на дороге. Шоссе посреди леса обледенело сильнее, чем в городе, водитель то и дело сбавлял скорость, особенно на поворотах.

В какой-то момент Джисон задремал: сказывалась усталость и нервное напряжение. Сон был беспокойным, все время слышался чей-то плач, и казалось, будто кто-то то и дело трясет его за плечи. И, уже просыпаясь, он понял, что это Иван будит его и что-то говорит.

Похлопав себя по щекам и разминая затекшую шею, парень протер глаза и повернулся к водителю.

– Смотри, это Байкал. Мы почти приехали.

Джисон подался вперед и обомлел. Всюду, куда ни глянь, простиралось роскошное белоснежное полотно такой нереальной красоты, что на глаза навернулись слезы и замирало сердце.

Они проехали пару туннелей и вскоре въехали в небольшое поселение. Иван попросил подождать в машине, а сам вышел и направился в магазин, судя по вывеске. Вернулся же он с пакетом, из которого достал какие-то пироги и бутылку воды.

– Вот, ешь. Не знаю, как ты, а я точно проголодаться успел!

Джисон хотел привычно отмахнуться, но желудок протестующе заурчал, вызвав усмешку на лице нового знакомого.

– Так у тебя есть номер этой женщины? – спросил он, откусывая от своего пирога приличный кусок.

Джисон помотал головой и протянул ему сложенный вчетверо листок, на котором хангылем и по-английски было написано все, что другу Сонуна удалось найти в интернете. Русский перевод был сделан через онлайн-транслятор, и, судя по сдавленному смеху Ивана, был совсем уж ломаным.

– Погоди, надо уточнить! – он снова вышел и направился в тот же магазин, откуда вышел спустя еще несколько минут. В руках был новый пакет.

– Оказывается, нужно проехать чуть дальше, это не здесь, а в лесу. Но оказалось, что ее тут хорошо знают, и она должна быть у себя. Это тебе, – парень впахнул Джисону в руки пакет и завел машину. Внутри оказался небольшой торт и коробка конфет, чай и еще какая-то мелочь.

Джисон почувствовал, как уши заливаются краской. Хорош гусь, даже не подумал о том, чтобы нагряться не с пустыми руками.

– Сы-па-си-бо...³ – русский давался с трудом, но это слово было первым, что он выучил. Иван с улыбкой кивнул и выслушал его дальнейшие сбивчивые благодарности. Не смотря на то, что все это он делал далеко не бесплатно, все равно его помощь сейчас казалась неоценимой.

Когда они прибыли на место назначения, их уже ждали.

Машину пришлось оставить в лесу возле какого-то странного покосившегося колодца. Но зато от деревянного сруба шла тонкая тропинка, плотно утоптанная среди сугробов, как если бы кто-то специально ходил по ней днем и ночью. Интересно, а летом она тоже не зарастает?

Парень мотнул головой, пытаясь выбросить из нее глупые мысли, и нагнал Ивана, бодро шагавшего в своих берцах даже по сугробам. Сам же Джисон то и дело промахивался мимо тропинки. В кроссовки забился снег, ног он почти не чувствовал, джинсы ниже колена тоже промокли насквозь, руки в карманах пуховика тоже заледенели, но он все равно шел молча, не позволяя себе выругаться даже в мыслях – сердцем чувствовал, что в этом месте нельзя. Кажется, сейчас он бы во что угодно поверил, таким все вокруг казалось нереальным: от свежего воздуха кружилась голова, ни на чем невозможно было сосредоточиться, ноги несли его сами... Но сердце билось очень ровно. А фотография друзей в нагрудном кармане будто грела и придавала сил.

Отключившись от реальности, он совсем не смотрел по сторонам и врезался во внезапно остановившегося проводника, упав от неожиданности. Выглянув прямо из сугроба, он увидел дом – добротную деревянную избу с мансардой и верандой, широкой поляной перед крыльцом, остовом теплиц в отдалении. Со всех сторон окруженное лесом, это, если можно было так выразиться, поместье походило на крепость, не хватало только частокола по периметру.

Посреди тропинки, преградив им путь, стояла фигура, плотно закутанная в лисью шубу. Судя по силуэту – женщина. Наверняка та самая, которую они искали.

Джисон приветственно махнул рукой, но быстро ступешался и поднялся. Иван перед ним низко поклонился женщине, и Джисон последовал его примеру.

Выждав длинную паузу, женщина издала короткий смешок, который почти не было слышно из-за высокого воротника, наполовину скрывавшего ее лицо. Что-то быстро сказала, а Иван ей ответил на русском языке, поэтому Джисон ничего не понял. Наконец, махнув рукой, что можно было посчитать и за «следуйте за мной», и за «катитесь-ка вы на все четыре стороны», женщина повернулась и направилась в сторону избы. Иван последовал за ней, а Джисон – за ним.

³ *** Сы-па-си-бо – прием использован исходя из особенностей корейского алфавита и произношения: слог состоит из согласной и гласной букв (иногда есть еще третья согласная в слог)

В доме оказалось тепло. На веранде стоял небольшой диванчик, довольно потрепанный на вид, лавка, деревянный стол и шкафы, с покосившимися дверцами и облупившейся краской. Указав посетителям на диван, женщина вошла в дом. Джисон хотел было пойти за ней, но проводник дернул его за руку и помотал головой, тоже указав пальцами на диван. Расстегнув куртку, Иван стал выгружать из пакета гостинцы. Сзади послышались шаги. Когда Джисон повернулся, то снова в который уже раз за сегодняшний день потерял дар речи.

Настречу, неся поднос с небольшим блестящим самоваром вышла... девчонка. Совсем молодая, худая, скуластая, с двумя тугими черными косами. Она больше походила на младшую сестру, чем на легендарную целительницу. Джисон открыл уже рот, чтобы сказать что-то вроде «позовите взрослого», как она подняла глаза и его будто толкнуло в грудь тугим порывом ветра.

Прижав руку куда-то к сердцу, он кротко присел на краешек дивана, молча наблюдая, как она ставит поднос на стол и... включает самовар в розетку. Очевидно, по его удивленному лицу можно было прочитать, насколько он ошарашен, но она лишь усмехнулась, подбоченившись. Какое-то время молча изучала его. И когда до него дошло, что Иван за это время куда-то испарился, сказала пару слов низким грудным голосом, а поняв, что парень ничего не понимает, перешла на корейский. Говорила она бегло, но ощущалось, что этот язык был для нее чужим.

– Ты зря приехал сюда, Юн Джисон.

Парень аж рот от удивления открыл, хотя, казалось бы, чему еще удивляться?

– Откуда вы?... – он начал и не договорил, когда вдруг заметил, что выглядит эта женщина как типичная младшая сестренка, а вот глаза... Что-то в них было такое, что он легко бы поверил, что она вообще бессмертна. Почему-то вдруг стало страшно, озноб ледяной змейкой пробежал по позвоночнику. А если он сам себя в ловушку загнал? Подобные мысли на протяжении всего пути ни разу не пришли ему в голову, и вот теперь волна паники готова была накрыть его с головой.

– Успокойся, не съем я тебя, – она снова улыбнулась, но глаза при этом оставались невеселыми. Разлила чай по разномастным кружкам и протянула ему одну из них. На ней был полустершийся рисунок белоснежного единорога, но край был с одной стороны выщерблен. – Думаешь, ты добрался сюда лишь потому, что так сильно этого хотел? – она снова посмотрела на него сверху вниз.

Джисон робко кивнул, чувствуя, с каким трудом удастся собрать остатки самообладания. Женщина, которую, как он считал, звали Хан Яна, покачала головой:

– Все нет. Ты смог найти меня лишь потому, что я сама тебе это позволила, – сделав глоток, она отставила кружку и выпрямила спину, пригладила складки на подоле цветастого платья и снова посмотрела незваному гостю прямо в глаза. – Но ты все равно зря приехал. Я ничем не смогу помочь вам, этот ребенок почти обречен.

Каждым словом она будто вколачивала в душу Джисона огромный ржавый гвоздь. Дрожащими руками он полез в карман и начал доставать фотографию, когда она сказала, что ему пора.

– Прошу, взгляните... – еще немного и он бы заплакал, но женщина нехотя, двумя пальцами, взяла чуть мятый снимок, как вдруг ее лицо приобрело удивленное выражение.

– О... Вот оно что... – она всматривалась в изображение, а после, не сказав ни слова, положила снимок на стол и снова зашла внутрь дома. Пока парень раздумывал, не должен ли он пойти следом, она вернулась, неся в руках... плюшевого единорога. Серого в белых яблоках, почти такого же, которого обнимала во сне Сохё, когда он не решался уйти от нее, опасаясь, что это может оказаться последним прощанием.

– Но откуда... – он прижал руки к лицу, чувствуя, как сердце пропустило удар, а потом забилось часто-часто.

Целительница улыбнулась:

– Это я их сделала. Можно сказать, что они братья-близнецы, – она посадила игрушку на стол и снова села. Добавила в кружку кипятка из электрической пародии на самовар и стала смотреть на него вверх.

Джисон несмело протянул руку, не вполне осознавая, что делает, но в последний момент отдернул руку, так и не коснувшись яркой радужной гривы. Как будто это было неправильным, словно он не имел права прикасаться к лошадке.

– Откуда он у вас? – женщина нарушила молчание, заставив парня с трудом сфокусироваться на ней. – Тот, ваш единорог, где вы его взяли?

– Я... – Джисон чувствовал себя так, словно у него поднимается температура: язык заплетался, лицо горело, по спине под курткой стекал холодный пот и озноб мурашками растекался по всему телу. – Мы повезли Сохё в парк аттракционов на пятый день рождения, тогда она уже сидела на коляске, – он кивнул на фотографию, лежащую на столе рядом с хозяйкиным единорогом, и нервно сглотнул. – На карусели она кататься не могла, поэтому мы посетили другие лавки. Этого... Этого единорога она увидела в тире. Сказала, что он ей нужен, хотя он был один такой некра... Он был грустный и серый, а остальные были белые.

Он успел заметить усмешку на лице Яны и понял, что она простила ему эту маленькую оговорку.

– Сохё, значит... Интересно.

Какое-то время она молча пила чай и рассматривала снимок. Джисон сидел как на иголках, боясь разозлить ее. Не отряхнувшись как следует, на крыльце, теперь он мучался: снег растаял, и мокрые джинсы противно облепили ноги. Однако нарушать повисшее в воздухе звенящее напряжение подобными мелочами казалось кошунственным. Устав сидеть неподвижно, парень стал медленно осматриваться и заметил, что на веранде везде горят фонарики, воткнутые в цветочные горшки, судя по всему, работающие на солнечных батареях. За окном ощутимо стемнело, а он даже не заметил, когда это произошло. Просто вдруг пришел в себя спустя несколько часов, словно их и не было. Да и вообще, ощущение было таким, что те часы, что он получил, прилетев из Сеула в Иркутск, исчезли, когда он оказался в этом странном доме.

– Хорошо, – Яна заговорила внезапно, и Джисон вздрогнул от неожиданности. – Я полечу с тобой, но не просто так. Взамен я потребую выполнить несколько услуг, и не сейчас, а когда мне понадобится. Согласен? – взгляд ее черных пронизывающих глаз пробирал до самых костей.

С трудом поборов дрожь, парень кивнул, но когда она вопросительно подняла бровь, поправился:

– Да, конечно да... Я согласен.

Ее губы снова тронула усмешка, а когда она наклонила голову, то он с трудом подавил желание сбежать и спрятаться. Чем-то эта женщина внушала ему невыразимый ужас. Он чувствовал себя как маленький мальчик, сбежавший в лесу от родителей, а сейчас встретившийся лицом к лицу с хищником.

– Хм... Ну что же, Иван переночует в машине, ты можешь остаться здесь, – она встала и направилась к дверям. Джисон вскочил и поклонился, а когда снова выпрямился, то заметил, что она стоит прямо на пороге, обернувшись к нему. – В дом не приглашу, уж извини. Здесь ночью тоже будет тепло, но ты можешь взять одеяло, диван не самый удобный, но... – он закивал на каждое ее слово, боясь поверить в происходящее. – Выезжаем на рассвете, так что отдыхай, я разбужу тебя. Билеты мне оплатишь сам, – она почти скрылась внутри дома, но снова выглянула. – И выпей чай, полегчает.

Когда она закрыла дверь, Джисон, совершенно обессиленный, рухнул на диван, едва не промахнувшись.

– Эй, вставай, нам пора собираться, – целительница трясла его за плечо, а он все никак не мог проснуться. Собственно, эту ночь Джисон, хоть и вымотанный, совсем не мог спать, все продолжал ворочаться на диване, который был явно маловат для его роста. Проклятые джинсы повели себя совершенно по-предательски: высохли не как положено, а стояли колом, причиняя всяческие неудобства. Да еще в поясицу впивалась какая-то зловредная пружина, хотя нащупать ее так и не удалось.

Когда образ друзей, оставленных дома, вспышкой мелькнул в голове, его подбросило в воздух так, что женщина отшатнулась.

Она отошла к столу и взяла фотографию в руки. Нахмурилась, но парень, все еще трущий глаза, этого не заметил.

– Туалет на улице, за домом, сам найдешь, там тропинка. Умывальник в том углу, – не поднимая головы она ткнула пальцем в один из шкафов.

Аккуратно по стеночке Джисон сбежал из дома, да и возвращался обратно едва ли не вприпрыжку: температура, судя по ощущениям, опустилась едва ли не на десяток градусов. Да еще этот снег... И как они тут вообще выживают, на таком морозе? Пронзительный ветер дул напрямиком с озера и прекрасно пробирался даже сквозь лес, словно тот не был ему помехой.

Умывшись, он обернулся и замер на полуслове:

– Я го... тов...

Хан Яна стояла посреди комнаты с закрытыми глазами, сжав в руках единорога и фотографию, поглаживала бока игрушки большими пальцами, хмурила брови и дергала головой, словно к чему-то прислушивалась. Ему казалось, что весь мир, если и не замер, то как-то потускнел, или вроде того, и лишь она одна сейчас была его ярким и сильным центром.

Когда она резко вскинула голову и раскрыла глаза, ему показалось, что она вся словно вспыхнула, почти ослепив его. Проморгавшись, он списал это на особую впечатлительность спросонья, так было проще примириться с реальностью, сминающейся будто газетный лист. Женщина пошатнулась, и он бросился к ней, подхватил на руки и перенес на диван. Она оказалась неожиданно тяжелой для такого хрупкого телосложения.

Когда прерывистое дыхание целительницы успокоилось, она взглянула на него уже более осмысленно, а потом снова посмотрела на игрушку, которую продолжала сжимать в руках. Пригладила яркую гриву, пробежалась пальцами по пушистой спине, а потом сжала в ладони рог. Что-то сказала, но он не понял.

– Простите?

– Извини, отвыкла от языка. Я сказала, что полетишь один, моя помощь уже не понадобится. И лучше бы тебе поспешить...

Ее взгляд смягчился, и смотрела она на него немного сочувственно. Нужно ли говорить, что у него от страха душа в пятки ушла?

– Вы хотите сказать?.. Она... Вы?.. – нет, не сдержался, слезы так и покатались по щекам.

– Я ничего не хочу сказать, – женщина сжала его плечо, сначала мягко, а потом требовательно, заставляя посмотреть на нее. – Но мне дороги нет, тебе придется возвращаться одному. Я не уверена в исходе, но, кажется, ей уже и без меня помогли.

После молчания в несколько минут Джисон спросил:

– Это вообще возможно?

– А ты разве не за чудом приехал? Считаешь, что оно случилось, – она устало прикрыла глаза. – Тебе действительно пора. Не думай, что я тебя выгоняю... Хотя так и есть. До машины доберешься сам.

Мало что понимая, как в полусне, Джисон собрался, но вспомнил, что оставил на столе фотографию, и вернулся от самых дверей.

– Стой! – оклик заставил парня застыть на месте. – Оставь, пожалуйста, снимок. И напиши на обороте свой номер телефона.

Он выполнил, что было велено, и поправил под кружкой конверт. Не знал, достаточно ли, но больше денег оставить не мог, осталось надеяться, что валюта ее устроит.

Станным образом сегодня он легко бежал по тропинке, ни разу не провалившись. И холод за то время, что он провел в доме, тоже будто отступил.

От деревянного колодца было видно машину, Иван уже проснулся и что-то смотрел на экране смартфона. Джисон постучал в окно, и тот впустил его.

– Доброе утро! Почему ты один? – водитель посмотрел на него с любопытством и обернулся на лес, словно ожидая, что и целительница появится на горизонте.

– Она остается, я не знаю... – Джисон пристегнулся и спрятал лицо в ладонях. – В общем, мне снова в аэропорт.

– Хорошо, – Иван кивнул и, чуть помедлив, добавил, положив ему на колени пакет с перекусом. – Мне жаль.

Обратную дорогу Джисон почти не запомнил. В груди бухало, в голове ухало, и он боялся возвращаться домой. Хотелось наоборот улететь в другую сторону и исчезнуть где-то в пути, лишь бы не получать плохих вестей. Иван помог ему купить билет и очень тепло попрощался, предложив звонить «в случае необходимости». Второй конверт, отложенный специально для этой поездки? парень отдал водителю перед тем, как пройти регистрацию и отправляться на посадку.

Те часы, что он выиграл при перелете в Иркутск, и так словно пропали в странном доме целительницы... Дома окажется уже к ночи, в больницу не пустят. Звонить Юне или госпоже Хван – слишком страшно. Тревожить кого-то из ребят тоже не хотелось. Хоть Хан Яна и сказала, что Сохё помогли, он боялся позволить надежде в душе разгореться сильнее.

«Разве ты не за чудом приехал?» Эти слова все звучали и звучали в голове, отбивая каждый пересеченный километр в пути.

Зайдя в дом, он на цыпочках пробрался в свою комнату и рухнул на кровать, не раздеваясь и почти мгновенно отключившись.

– Эй, ты просыпаться собираешься вообще? – Сьльги с силой пихнула его в бок, заставив со стоном потянуться. И зачем только Боженька придумал вредных младших сестер? – Юна обзвонилась, пока ты в отъезде был. Так что звони ей сам теперь. Завтрак на столе, а я – в универ! Адью! – размахивая руками это недоразумение улетучилось в известном направлении.

Пока Джисон приводил себя в порядок, телефон снова звонил, но он нарочно медлил, чтобы не успеть ответить. Ничего, выскажет ему все в лицо, все равно увидятся через пару часов.

С тяжелой головой он ехал в больницу. Поднимался в лифте. Подходил к дежурной медсестре...

– Хван Сохё? А ее тут больше нет, – женщина скользила пальцем по списку, пока Джисон прикидывал, успеют ли его спасти, если сердце вдруг остановится.

– Ой! Вы так не пугайтесь, ее же в другую палату перевели. Вы же – Юн Джисон, да? Я вас запомнила. Вам записка, вот, – она протянула ему сложенный вчетверо тетрадный листок, на котором прыгающие буквы уведомляли Джисона о том, что он дурак, но они его все равно ждут в палате 317.

Сбивчиво поблагодарив женщину, заставившую его поседеть едва ли не на полголовы, он кинулся в другое крыло, лавируя в потоке людей. За спиной словно надувались ветром крылья, а сердце в груди трепыхалось в предчувствии чего-то хорошего. Чего-то волшебного и чудесного.

– Джисон-щи! – Крошка Сохё весело рассмеялась, когда он, не совсем вписавшись в поворот, влетел в палату. – Я по тебе соскучилась! Где ты был? – она тянула к нему свои маленькие ручки, а рядом хрюкнула от смеха Юна, которая не знала, чего ей больше хочется: отлупить друга или обнять, чтобы он совсем расклеился.

– Вот именно, где ты был, Тётушка? – она выбрала третий вариант и назвала его старым прозвищем, данным ему еще в детстве, которое сейчас казалось куда более беззаботным и нереальным, чем было на самом деле. – Мы тебя обыскались совсем, между прочим!

Джисон, не переставая обнимать девочку, протянул вторую руку и сжал ладонь старой подруги в своей. Та похлопала его по руке, давая понять, что он прощен. Да и разве можно было сейчас злиться или сердиться?

– А потом ко мне прилетел единорожка, вот этот, – Сохё погладила плюшевого любимца по истертому боку. – Представляешь, у него крылья были! Круто же, да?

– Круто, конечно, – Джисон рассмеялся и поправил ей волосы. – Только ты, наверное, путаешь, у единорогов крыльев нет. Может, это Пегас был? Он тоже лошадь, но с крыльями и безрогая.

– Конь!

– Что? – парень повернулся и увидел Юну, стоявшую в дверях палаты.

– Конь, говорю, а не лошадь. Пегас – мужского рода.

– Ой, да ладно тебе, зануда! Вечно ты к словам придираешься!

– А кто ж, если не я? – девушка подмигнула и протянула подопечной контейнер с обедом. – Крошка, пора есть, скоро врач придет.

Она отозвала Джисона в сторону.

– Завтра ее выписывают, сможешь помочь с перевозкой?

– Конечно...

Вдруг их перебил звонкий голос:

– А еще там был ангел, только я на него почти не могла смотреть, потому что он был очень яркий, и еще волшебница! Очень красивая, но не такая красивая, как Юна! И у нее был такой же единорожок! – она весело подкинула игрушку в воздух.

Джисон посмотрел на Юну круглыми от шока глазами.

– Солнышко, это же сон был, пусть даже и хороший, – Юна поправила одеяло и обернулась к другу за поддержкой, но заметила, что он в пришибленном состоянии. – Эй, что с тобой?

Парень медленно перевел на нее взгляд, а потом снова посмотрел на девочку.

– Точно такой же? Ты уверена?

Сохё снова радостно кивнула:

– Да! Только мой старше, поэтому грустный, а тот веселый! – она поцеловала любимца в рожок. – А так они – близнецы! И сама тетенька-волшебница так сказала!

Джисон снова обнял крошку, а потом перевел взгляд на Юну. Если уж это чудо действительно произошло, то, может быть, и она своего волшебника скоро встретит?

~ ЭПИЛОГ ~

Яна проверила сумки. Вроде бы все.

Прощаться с домом было грустно. Эти стены знали и хранили в себе слишком много воспоминаний. Конечно, жаль, что оставить все это некому, но...

Пора было двигаться дальше. Зов с каждым днем, с каждым часом становился все сильнее. Время, столь снисходительное к ней все эти годы, сейчас словно сорвалось с катушек и пыталось догнать и наказать за манипуляции.

Слишком мало она могла успеть. И слишком многое было поставлено на карту.

Она положила ключи на стол, погладив «самовар» по носику – подарок одного из благодарных клиентов. Еще раз проверила, не забыла ли что: документы, билет в один конец, деньги. Волшебный единорог, старое фото и рисунок, портрет молодой девушки. Именно ее необходимо было найти в первую очередь. Но этим пускай займется мальчишка, Юн Джисон. Тогда долг за ним будет снят и она будет спокойна.

Вроде все.

В последний раз погладив несколько зарубок на деревянных наличниках, она вышла на крыльцо. Вдохнула свежий весенний ветер и улыбнулась. Все правильно. Все так, как и должно было быть.

Але, оп! Юана Фокс @yana_getceu_writer

...в какой-то горной дыре работали. Красота, конечно, дух захватывает! Но разруха. На вершине холма обложили полотнами и растяжками полузаброшенное здание, и клоуны туда народ заманивают. Видите уже, наверное, да? Флаги полощутся, с единорогами, эмблема цирка. Вместо рога – гора Эверест. Идиотизм, конечно, но кто когда кого слушал! Они ж дирекция, ты что...

А этот свой номер Сашка придумал, долбанутый близнец. Он всегда рискованный был, брата втягивал черт знает во что. Если руководство против его очередной дикой затеи, так он просто увольняется. С такими талантами его везде ждали с распростертыми. Москва за ним аж по пятам ходила, все названивали. Черт знает, чего он в наш балаган вцепился! До сих пор не разберу. До нашего шапитошки он уж всюду норы своей успел показать, как чего – бумажку на стол швыряет, и вон за дверь! Костян, как привязанный, хочет или нет, за ним уходил.

А, Алтай же это был! Близнецы оттуда родом. Мы Барнаул отрабатывали, а Сашке вперлось в свою родную деревню заехать. Директор согласился, чтобы его не потерять.

Дуэт Дорецких не очень известен был тогда, а Сашка дерзкий до жопы просто! Я сейчас думаю, может, потому и согласилось начальство, что в любом случае бы выиграли- состоится номер, будут крутые промки. Погибнут два идиота – ну, не велика потеря. Он знал, Саша в другом месте это сделает, его ничем не остановишь. Но в случае победы крутейший дуэт в истории достанется не цирку «Эверест».

Вот этот день. Даже думать тошно, какая там высота. Основная работа прошла на площади в местном парке. У них как раз день города, или что-то вроде. Клоуны народ заманивают к этому нашему зданию.

А внутри наши, кто разгримировался уже, кто еще закрывать программу собирается. Бедняги, кто на них смотреть-то будет после того ада, что Дорецкие там зашарашат? Всем это ясно, что народ на пыль дорожную больше аплодисментов выльет после Сашки-Костиного выхода, но девчонки все-таки в золотых халатах, в ресницах этих... Артист не выбирает.

– Костя! Костян, твою мать! Где он? – орет Сашка, грациозный, деловой, поджарый. Под халатом мышцы так и ходят... Красавец! Костя вышел, тихий, глаза темные, как провалы окон в той заброхе. Сашок его обнял двумя руками, тихо говорит – ну ты че, мой дорогой, все хорошо же! Близнец кивнул. А сам даже не в гриме еще.

Клоун забегает^

– Небят, давайте сейчас, народ уже держать невозможно, расходится!

Тогда Сашок говорит:

– Ну, друзья мои, на всякий случай прощаемся! Сами понимаете! Удачи всем!

Обнимаются, улыбаются все. А в глазах одно...

Никто их не разуверял, мол, да бросьте, парни, все нормально будет! Просто прощались. Знали, что Саша прав.

Сашка халат скидывает, а Костик стоит, как был с утра, в трениках. Он даже не репетировали на натуре, сделать это можно только один раз.

Сашок смеется, руки трет, согревая. Говорит, там где-то учитель их, по труду. Хороший дядька. Вещал, что с таким характером Саня допрыгается до беды и Костика собьет с панталыку. По плечу близнеца кулачком ткнул, тот так дернулся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.